

Муратбек Иманалиев: «Кыргызско-американские отношения: что это такое?»

Муратбек Иманалиев: «Кыргызско-американские отношения: что это такое?»

19.01.2014

Предлагаем вниманию читателей статью президента Института общественной политики (IPP) Муратбека Иманалиева, посвященную кыргызско-американским отношениям.

Когда-то была произнесена известная, почти сакраментальная фраза: «Соединенные Штаты Америки – сосед всех государств». Действительно ли сегодня Америки все еще хватает на всех? И действительно ли, в таком случае, США – сосед Кыргызстана? Осмысливается ли эта «формула соприкосновенности» у нас и у них, и если да, то как?

Тема для обсуждения в Кыргызстане – как мы, кыргызстанцы, воспринимаем и понимаем США в пределах нашей национальной политики, общественного мнения, семьи и отдельно взятого индивида, и как мы представляем себе интересы Вашингтона в Кыргызстане и регионе Центральной Азии.

Упрощенный вариант политологической оценки предопределяет следующий порядок мест, занятых двумя государствами на пространстве мировой политики и экономики – Америка и Кыргызстан находятся на его противоположных полюсах: США – первая держава планеты, а Кыргызстан – одна из самых бедных стран той же планеты.

Некий ключ к «пониманию друг друга», вероятно, также находится еще и в том формате, что можно находиться на разных полюсах, но в единой системе ценностных координат, ориентиров и приоритетов. В таком случае противоречия могут возникать и порой даже создавать определенные препятствия для предполагаемого либо уже имеющегося сотрудничества и партнерства, однако обеими сторонами они не будут восприниматься как враждебные и непреодолимые. Подобная ситуация влияет на тактическое маневрирование сторон, но не на стратегию сотрудничества. Выбор стратегии развития и выбор партнеров для сотрудничества, избранный и той, и другой стороной на основе идентичных или близких к этому ценностных емкостей, будет практически совпадать, но, разумеется, до тех пор, пока одна из сторон не переформатирует его («выбор») в принципиальном плане на противоположный либо иной какой-то знак. Чему есть подтверждения в истории.

Понятно, что эти самые ценностные емкости «вылепливает» не один человек и даже не группа людей, а конструируются они в недрах стабильно и динамично функционирующего политического класса и некоторых других социальных страт, например, бизнесменов.

Но, говоря о емкостях ценностного уровня, следует иметь в виду, что нестабильность и «рыхлость» политического пространства (в Кыргызстане, как и в некоторых других развивающихся странах лидеры, делая выбор между политической стабильностью и политическими свободами, упустили чрезвычайно важный постулирующий компонент демократического развития о том, что свобода немыслима без порядка, без верховенства закона), превалирование личных либо корпоративных интересов и другие негативные факторы не способствуют возникновению мотивов даже общего порядка к самоорганизации, самоуправлению и саморазвитию нации, являющихся предтечей и в определенном

смысле основанием для конструирования ценностей, воспринимаемых и поддерживаемых всеми, кто готов отождествлять себя с этой нацией. Это о нас.

С другой стороны, понятно, что Вашингтон вкупе с еще очень небольшим количеством ведущих государств формирует основные векторы и площадки глобальной политики и экономики, а Бишкек вынужден встраиваться в них, если, конечно, способен это делать и, главным образом, понимает, зачем это ему нужно.

Международная политика есть взаимодействие страновых, региональных и иных пространств, насыщенных различными институтами, ценностями, амбициями, контактами, сотрудничеством людей и т.д. Но интуитивное, а иногда и осознанное понимание того, что эти самые векторы, а также рельеф «площадок» выстраиваются на основе так называемых национальных интересов, которые нередко эгоистичны и циничны, а самое главное, как правило, вступают в некий конфликт с интересами других акторов, тем самым создавая определенные сгустки напряженности, чреватые возникновением различного рода столкновений, провоцируют такие страны, как Кыргызстан строить свою внешнеполитическую деятельность не на базе национальных интересов, а на основе меркантилизации системы выбора и вероятности его частой смены. При этом очень часто механика выбора упрощена до предела вплоть до индивидуальных, семейно-клановых и очень редко групповых пристрастий.

Справедливости ради подчеркнем, что последнее нередко присуще не только слабым государствам. Очевидно лишь следующее, что в большинстве случаев такого рода избирательная практика последних спонтанно и неадекватно реагирует на сигналы (иногда ложные) со стороны сильных. Порой эти сигналы странным (и не очень) образом преобразуются даже в некую политическую позицию

слабых, отчаянно отстаивающих ее со всевозможных трибун и на всевозможных форумах.

Казалось бы, международное право выравнивает шансы всех стран, конкретным воплощением которого является, например, ООН, в рамках деятельности которой каждая страна не только имеет один голос, но и имеет право продвигать некие инициативы, предусматривающие, например, превентивную защиту национальных интересов. Однако система и уставные нормы функционирования Совета безопасности ООН, а также и иные параметры и требования, ставят все и всех на свои места, иерархизируя государства по политической, военной, экономической и даже географической значимости.

Иерархия предусматривает перечень возможностей для каждого, например, слабым нарушать принципы и нормы международного права, в том числе Устав ООН нельзя – наказание практически неотвратимо. Тем не менее, с другой стороны, люди за всю историю своего так называемого цивилизованного существования ничего лучшего еще не придумали и в ближайшее время вряд ли придумают. Так было и так будет.

Говоря о стыковке пространств идентичных или близких к этому ценностных ориентиров и емкостей как о вероятном механизме долгосрочного и взаимовыгодного партнерства и даже союзничества, все-таки мы должны сделать оговорку в том смысле, что конкретная историческая ситуация, имеющая свои политическое, военное, экономическое и иные измерения, принуждает государства нарушать собственные принципы внешнеполитической деятельности, в том числе и прежде всего игнорируя свои же ценностные ориентиры, и иногда строить привилегированные отношения со странами, система ценностей которых находится в иной, чуждой, а иногда даже во враждебной

системе координат.

Оправданием этому служат те позиционные конструкции, которые именуются формально в дипломатической практике интересами государства. (Чаще всего это называется гибкостью и толерантностью.)

По этому поводу, например, президент Барак Обама сказал следующее: «Время от времени мы будем сотрудничать с правительствами, которые не соответствуют в нашем понимании высоким международным стандартам, но будут взаимодействовать с нами по вопросам наших жизненных интересов»[1].

В последние десять-двенадцать лет и Центральная Азия становится подобным пространством, где интересы ведущих государств вступают в противоречие с основополагающими принципами их же внешней политики. Борьба с терроризмом и «движение» энергоносителей демонстрируются участниками международной жизни в регионе как некие смысловые конструкции и одновременно механизмы взаимодействия. Никто не отрицает актуальности и важности этих проблем, но демократия и развитие как принципы сотрудничества сегодня задвинуты на второй-третий план, хотя, в общем-то, до сих пор декларируются официальными источниками как одни из важнейших принципов, определяющих построение реальной внешнеполитической деятельности многих стран.

Стыковка упомянутых «ценностно наполненных пространств» Кыргызстана и США не состоялась хотя бы потому, что пока трудно говорить о сконструированной национальной системе ценностей в Кыргызстане. Немало и других объективных и

субъективных причин.

Искаженным и псевдоценностным ориентиром для выстраивания «американской политики» Кыргызстаном, его правящими и неправящими группировками служит история советско-американских отношений (косвенным, если так можно выразиться, участником которых была и наша страна. Кстати отметим, что подобная же «история» сыграла такую же роль и в процессе выстраивания отношений Кыргызстана и с некоторыми другими государствами), а также смоделированный в ту же эпоху СССР противоречивый образ США. Причем следует иметь в виду, что сказанное имеет отношение и к тем, кто причисляет себя к классу либералов, т.е. «западников», и к тем, кто себя либералом не считает, более того, даже отождествляет себя с противниками Запада. Подтверждением тому является недавняя в хронологическом отношении история «островка демократии».

Воспреемником советско-американских отношений в предлагаемом выше смысле, правда, не в таком уплотненном объеме негатива, как это было раньше, являются теперь российско-американские отношения. Эти отношения влияют на формирование в элитных группах и в целом в обществе Кыргызстана как позиции «за» развитие отношений с Западом, так и позиции «против». Особую роль в этом играет также и то обстоятельство, что Кыргызстан находится в зоне российского информационного, а нередко и жесткого пропагандистского «залистования».

И еще следует подчеркнуть, что отношения США с другими же нашими соседями никоим образом не влияли на формирование кыргызско-американских отношений (можно лишь указать на некоторые непринципиальные нюансы) — ни узбекско-американские, ни казахско-американские, ни китайско-американские.

И все же есть понимание того, что российско-американские отношения являются все-таки не источником построения отношений Кыргызстана с США, а только фактором влияния, который кыргызское руководство не может игнорировать, хотя иногда пыталось это делать.

Следует иметь в виду также и нарастающее влияние на формирование общественного мнения в Кыргызстане антиамериканских информационных волн из регионов Ближнего и Среднего Востока, Афганистана и других мусульманских государств. Причем отметим, что к «переносчикам» информации необходимо отнести не только интернет, телевидение, СМИ, граждан упомянутых стран, но и собственно самих кыргызстанцев, количество которых, в том или ином качестве посещающих исламские страны и возвращающихся оттуда с несколько изменившимися представлениями о жизни, из года в год увеличивается.

Попробуем разобраться с интересами США и Кыргызстана. «Вообще интересы США в Средней Азии сегодня очень расплывчаты. Они не определены, не обсуждены на серьезном уровне, – говорит директор российских и азиатских программ американского института мировой безопасности Н.Злобин. – Я думаю, до сих пор идет такая разведка боем, сбор информации и зализывание ран после первых неудач. Второе. Это стремление не дать Среднюю Азию монополизировать. Ни Россия, ни Китай сегодня делать этого не хотят. Да и США понимает, что монополизация – это дополнительная ответственность, которую сейчас взваливать на себя в администрации Дж.Буша не хотят. Поэтому Америка продолжала бы стоять на позициях здоровой конкуренции в Средней Азии, но опять же, ни Китаем, ни Россией эта позиция пока не разделяется»[2].

Тем не менее, за этой «расплывчатостью» другие эксперты просматривают, как они считают, «очевидные цели» американцев в Центральной Азии. О.Реут считает, что заключаются они в следующем: 1) формирование проамерикански настроенной ориентации региона; 2) сдерживание влияния Китая и России плюс создание условий для открытого столкновения интересов РФ и КНР; 3) использование регионального потенциала для выстраивания долгосрочного диалога с исламским миром[3].

А вот что сказал о целях администрации президента Б.Обамы в центральноазиатском регионе бывший помощник Госсекретаря США Р.Блейк: «1) поддержка международных усилий в Афганистане; 2) выстраивание стратегического партнерства с Индией и 3) установление более тесных и стабильных отношений с центральноазиатскими странами»[4].

Рассуждая об интересах Америки в регионе, не забудем и об инициативе, именуемой «Большая Центральная Азия», которая, если и была взята на вооружение администрацией США, то представляла собой инструмент достижения уже расширенных целей, которые, если бы успех сопутствовал Вашингтону, можно было сделать еще более масштабными в рамках этой инициативы.

Наиболее интересной и привлекательной для Кыргызстана могла бы стать стратегия «Нового Шелкового пути», но без ее явной геополитической начинки, которая при стечении неблагоприятных факторов и условий может выйти за рамки конкуренции и конфликта интересов. «KASA – 1000» как проект в рамках упомянутой выше стратегии реализуем, с моей точки зрения, только при наличии следующих условий: 1) устойчивое восприятие Афганистана центральноазиатскими государствами в качестве действительного позитива: и как соседа, и как партнера по сотрудничеству; 2) наличие доверия между всеми

участниками проекта; 3) сохранение политического и финансового спонсорства со стороны США; 4) поддержка проекта со стороны России и Китая.

Но наиболее важным базовым посылом явилась внешнеполитическая концепция президента США Барака Обамы, который пришел к власти под лозунгом необходимости кардинальных изменений, в том числе внешнеполитического курса и облика страны на международной арене. Правда, никто не ожидал, что реализация практически всех внешнеполитических идей и концепций Барака Обамы будет столь проблематичной. Но справедливости ради следует отметить, что их «проблематичность» — это все-таки в основном инерционное влияние внешнеполитического наследия предыдущего хозяина Белого Дома.

Обращали также на себя внимание, конечно, неоднократно заявлявшиеся Бараком Обамой цели его политики в отношении исламского мира, особенно его выступление в Каире. Но в подобного рода декларациях не просматривались какие-либо серьезные изменения политики Вашингтона в отношении обширного исламского региона от Магриба до Центральной Азии: кардинально смещался лишь один из фокусов американской внешнеполитической стратегии в этом регионе.

Свою лепту внес и финансовый кризис 2008 года.

Но заявленный вывод международных сил по обеспечению безопасности из Афганистана, дальнейшее неучастие остающихся в стране американцев в военных операциях и «афганизация» обустройства страны обусловили потребность изменений «околоафганской» конъюнктуры.

В связи с афганской проблематикой необходимо отметить, что Кыргызстан весь «афганский» период действительно находился в «фокусном круге» борьбы американского государства с терроризмом. И в этом контексте Кыргызстан имел определенное, правда, не всеобъемлющее и не во всем позитивное, но преимущество перед своими соседями: речь, разумеется, идет об американской авиабазе, пока еще расположенной в кыргызском аэропорту «Манас», каковых (в таких масштабах) нет в других странах нашего региона.

Интересы и цели США, перечисленные в верхних абзацах, относятся к категории региональных. Очевидно, что достижение этих целей не требует от Вашингтона обязательного формулирования индивидуально-страновых интересов и взаимодействия с учетом значимости и потенциала каждого из государств Центральной Азии. Стратегический интерес, сопрягаемый с интересами других «больших» и в регионе, и вне его, и геополитический меркантилизм нередко игнорируют двустороннее сотрудничество с малыми странами в полноценном формате.

В статусных образах Кыргызстан в американских внешнеполитических картинках за двадцать с лишним лет кыргызско-американского общения прошел путь от «островка демократии» – витрины возможного вестернизированного развития Центральной Азии, созданного с помощью Запада и прежде всего США, до союзника по антитеррористической коалиции, точнее, военной операции американцев в Афганистане. (С термином «союзник» многие мои коллеги не согласны, предлагая более, как им кажется, нейтральный термин «партнер». Но как расценивать действия Кыргызстана, предоставившего свою территорию для военной базы США и тем самым практически прямо участвовавшего в военных операциях в Афганистане, как не «союзничество»? При этом следует иметь в виду превалировавшее военно-политическое

обоснование в свое время открытия этой базы, а не коммерческое: территория и услуги кыргызским правительством были представлены американцам практически бесплатно. Напомню также и о существовавшей базе до 2005 года в Узбекистане – «Карши-Ханабад». В 2001 году Ташкент практически недвусмысленно заявил о своем «союзнчестве» с США, правда, не употребляя собственно самого термина.)

Интерес Кыргызстана и, соответственно, его политика в отношении США в последующие годы не выходили за пределы коридора коммерческих пристрастий, прежде всего по упомянутой выше военной базе. При этом придавая этой внешнеполитической инициативе некую «народность», президенты Кыргызстана экстравагантно в публичной сфере называли какие-то суммы за аренду, даты ликвидации базы и т.д. Каких-либо продуманных политических, экономических либо иных интересов Кыргызстан не конструировал. Намерения об экономическом сотрудничестве, привлечении американских инвестиций и все прочее подобное камуфлировали стихийное стремление использовать США в качестве нового «субвенциального» центра.

Но в первые годы независимости персонифицированный образ и действиями президента А.Акаева демократический выбор Кыргызстана достаточно активно был поддержан США.

Очевидно, что к числу акций поддержки относится и вступление нашей страны в ВТО. Решение это было в большей степени политическим, хотя никоим образом нельзя умалять достижения Бишкека по созданию и укреплению рыночной экономики.

В рамках сотрудничества Кыргызстана с МВФ, ВБ и другими

международными экономическими и финансовыми организациями содействие американцев также было очевидным. (В связи с последним хотелось бы еще раз повторить мысль о том, что главная проблема неуспеха работы с МВФ заключалась, с моей точки зрения, в отсутствии той самой жестко сконструированной системы ценностей и национальных интересов. В качестве подтверждения своих слов приведу пример Южной Кореи и других стран Азии, которые, сотрудничая с этой организацией, достигли впечатляющих успехов.)

Следует, конечно, упомянуть и о безвозмездной, грантовой помощи американцев Кыргызстану. Общая сумма за двадцать два года превысила один миллиард сто миллионов долларов.

Однако насыпной «островок демократии» разрушился, и произошло это не только вследствие «усилий» президента А.Акаева и его команды, но, как это ни парадоксально, и при помощи Запада. Это очевидный факт. Именно Запад позволил и президенту Кыргызстана, и некоторой части оппозиции превратить демократию в коммерцию, в инструмент наживы.

Еще об одном и неотвлеченном. Если поддержку со стороны США, причем не только политическую, оппозиционных деятелей и объединений еще можно было попытаться понять и осмыслить, то заявления некоторых американских политиков, дипломатов и экспертов типа: «Вы хорошие ребята – демократы, но авторитарный Узбекистан для нас важнее» политический бомонд Кыргызстан воспринимал весьма болезненно. Сопровождалось это в 90-е годы к тому же еще и более жесткой критикой деятельности руководства Кыргызстана (чем соседей) со стороны и правительств, и правозащитных организаций Запада, особенно США, за недостатки в развитии и укреплении демократии. Подобный подход к «демократизации» Кыргызстана приводил

либералов нашей страны в состояние шока и растерянности, к радости их противников. Результат – разочарование. Заметим, что в отношениях Кыргызстана с Россией, Китаем и некоторыми другими странами элемент критики за демократию и состояние социума был исключен и остается до сих пор таковым, что представляется весьма благоприятным фактором не только для школьника-политика.

На сегодня говорить о каких-либо полноценных отношениях между Кыргызстаном и США не приходится. Единственным каналом неких официальных отношений правительства Кыргызстана с администрацией США является упомянутая выше военная база. (После вручения ноты о денонсации соглашения по базе и эта линия практически закрыта.) Каких-либо других каналов, форм и межгосударственных программ нет и в ближайшее время, скорее всего, не будет. Но это не означает «конца истории». Американские фонды, неправительственные организации будут продолжать работать в Кыргызстане; наверняка появятся новые, может быть даже и не американские и не обязательно на американские финансовые средства, но функционирующие в парадигме американских стратегий; очевидно, что будут и какие-то малозначительные контакты между представителями правительств двух стран. Но достаточно точно можно предугадать, что темой этих контактов не будут вопросы экономического и гуманитарного сотрудничества.

Демократия как возможный формат и смысл стыковки отношений между Кыргызстаном и США ушла в небытие: возрождение под вопросом, хотя до сих пор наша страна является единственной в Центральной Азии страной, остающейся в пределах своеобразного демократического транзита.

Экономика и торговля не являются и, скорее всего, и в

обозримом будущем не станут ни основой, ни фактором взаимодействия между нашими странами. Экономическое присутствие американцев в Кыргызстане ничтожно мало и вряд ли в ближайшем будущем увеличится. Более того, даже если придут некие гипотетические американские бизнесмены, то они вряд ли смогут выдержать конкуренцию, например, с китайскими, которые из года в год укрепляют свои позиции не только в Кыргызстане, но в целом в регионе Центральной Азии.

Культура и образование могли бы стать опорой кыргызско-американских отношений. Американский университет Центральной Азии, открытый при поддержке правительства США и Института открытого общества, постепенно превратился в заурядное кыргызское образовательное учреждение. К сожалению, он остается без внимания правительств обеих стран и уже более не является предметом переговоров между ними, хотя мог бы стать центром распространения американской культуры и образования и не только в Кыргызстане.

Безопасность в Центральной Азии – сегодня это, прежде всего, проблема Афганистана. Центральнoазиатские государства по данной тематике на сегодняшний день ограничились двумя инициативами. Первая – это предложение Ташкента вновь создать некую консультационную группу в формате уже, правда, расширенном за счет НАТО (так называемый «6+3»). И вторая – это собственно не инициатива государств региона, но ШОС, членами которой центральноазиатские государства являются. Инициатива эта связана с созданием ШОСовской группы по Афганистану. Во всем остальном, являющемся, с моей точки зрения, более важным, страны Центральной Азии, в том числе Кыргызстан, решение афганской проблемы как бы делегировали ведущим державам, прежде всего США и НАТО. И поскольку Бишкек афганским вопросом особо не озабочен (хотя и должен был бы озаботиться), то и переговоры по авиабазе «Манас» имели

коммерциализированную повестку дня.

Мозаичное описание состояния основных блоков сотрудничества классических образцов, на мой взгляд, подтверждает мысль об отсутствии реальных, достаточно плотно наполненных взаимоотношений Кыргызстана с США. Так что же в «сухом остатке»?

А в «сухом остатке» – факторы, влияющие на формирование некоторого понимания в Кыргызстане, как общаться с администрацией США. И ничего более. Факторы эти прямого действия и косвенного. Об одном из них уже сказано. Это российско-американские отношения. К этому же разряду факторов следует отнести и деятельность региональных международных организаций, участником которых является Кыргызстан, в первую очередь, Шанхайскую организацию сотрудничества, Организацию Договора о коллективной безопасности и, с некоторых пор, Евразийский экономический союз.

Для Вашингтона весьма важным является то, как будут складываться отношения России и Китая в ШОС, каковы будут уровень и объем консолидированности, выстраиваемые на основе антиамериканизма, ведущими странами организации и как это будет влиять на других участников, по каким направлениям будет развиваться военная и экономическая составляющая деятельности ШОС и, наконец, как и когда будут переформатироваться основные цели и задачи этой организации. Совершенно очевидно, что от этого во многом будут зависеть и развитие представлений (не позиций (!)) некоторых малых стран – участниц ШОС, в том числе и Кыргызстана, об отношениях с Америкой.

Другой важный фактор для Кыргызстана – сотрудничество с международными экономическими и финансовыми организациями, в первую очередь, с МВФ и ВБ. Особенно на текущий момент, в условиях глобального финансового кризиса, который уже демонстрирует свою рефлексию и на другие аспекты жизнедеятельности государств. Понятно, что сотрудничество Кыргызстана с МВФ, ВБ, АБР, равно как и с другими международными экономическими и финансовыми организациями, продлится еще не один год. И все это время, контактируя с ними, Бишкеку надо будет иметь в виду значимость американского фактора.

К этому же фактору относится и проблема государственного долга, основной объем которого приходится на МВФ и ВБ. Списание или реструктуризация долга зависят от позиций стран-доноров. Очевидно, что абсолютная масса долга не так уж и велика. Однако, поскольку нет развития, то виртуальная масса долга постоянно увеличивается, и виртуальное давление, преобразующееся в психологическое, на экономику возрастает.

И, наконец, особняком стоит фактор авиабазы «Манас». Кыргызстанцам необходимо было уразуметь, что авиабаза «Манас» – это многоэтажное военно-политическое, интернационализированное сооружение, во всяком случае, для нашей страны. На разных этажах этого сооружения расположились разные группы проблем и интересы разных стран. На одном из этажей столкнулись интересы разных ведомств США, России и Китая. На другом этаже расположилась проблема Афганистана, которую надо бы каким-нибудь образом решать. На третьем – интересы стран, расположенных к югу от Кыргызстана, которые стали подозревать, что размещившаяся в Кыргызстане американская авиабаза может рассматриваться как угроза. И так далее. И все это сооружение сопряжено с реальными и политическими, и военными, и иными интересами Кыргызстана, а

не только с арендной платой.

Открытие авиабазы не было связано прямо с какими-либо резолюциями Совета Безопасности ООН либо иными многосторонними договоренностями. И формально-юридически американцы были правы, когда заявляли, что вопрос «Манаса» относится к сугубо двусторонним отношениям. Однако корреляция деятельности авиабазы и решений СБ ООН очевидна. Во всяком случае, дипломатическая работа Кыргызстана и в многостороннем, и в двустороннем формате должна была быть ориентирована на это. И решения по функционированию авиабазы должны были соответствовать решениям ООН по афганскому вопросу.

Как и куда будут двигаться кыргызско-американские отношения? И что это такое? Вопрос, на который надо найти ответ.

[1] А.Сушенцов. Высвобождение Америки. Россия в глобальной политике. Т.11, № 5, с.104.

[2] Н.Злобин. Интерес к освоению азиатских территорий у Соединенных Штатов сегодня низок. Centrasia.ru 14/09/08

[3] О.Реут. Интересы США – от сопровождения к управлению? centrasia.ru 09/10/08

[4] The Obama administration's Priorities in South and Central Asia/ R/Blake.

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)